

ПИСАТЕЛЬ-КОММУНИСТ

Молодежь

Ростов и Дом

22 АВГ 1981

К 65-ЛЕТИЮ А. В. КАЛИНИНА

1

Всего за год до Октябрьской революции, в 1916 году, в станице Каменской, в семье молодых учителей Вениамина Александровича и Евгении Ивановны родился сын.

«Мне кажется, человек, мало-мальски испытывающий эту склонность к слову, на Дону ее чувствует особенно остро. Все, что здесь окружало с детства, и обжигало, и требовало рассказать кому-то другому. В Каменской, в городках Миллерово и Новочеркасске, в станицах и хуторах, где учительствовал отец с матерью, пришлось жить во времена, исполненные глубочайшего драматизма... Запомнились, зарева над степью и набаты, которые, впрочем, сопровождали потом всю жизнь», — признался в одном из редких интервью Анатолий Калинин.

Если говорить об истоках ранней тяги писателя к литературному творчеству, то нельзя не сказать и о той дороге, которая однажды позвала тринадцатилетнего подростка из степного городка Миллерово в станицу Вешенскую.

По собственному признанию писателя, его первый роман «Курганы», созданный ровно 40 лет назад, был написан, что называется, «пол гипнозом» Шолохова. Но рукопись романа, присланная из литературной консультации издательства «Молодая гвардия», читал А. Серафимович, который, увидев в ней и нечто другое, обещающее в будущем.

В предшествующие войне годы много дорог исколесил сборщик «Комсомолки» по степям Дона, Украины, по горам Армении, станицам и аулам Северного Кавказа. В 1939 году с фронта советско-финской войны он отсылает в редакцию первый военный очерк. В том же году состоялся и долгожданная встреча с автором «Тихого Дона», к которому Калинин приезжает в военный шинели.

Еще через три года дорога военного корреспондента «Комсомольской правды» приведет его и навсегда свяжет с 5-м Донским кавалерийским корпусом. На габетных полосках «Комсомольской правды» в годы войны один за другим появляются статьи и очерки Калинина: «Покры нат Грозным», «Девобережье», «Понские казаки». В короткие промежутки между боями, по горячим следам казачьих рейдов пишется романы «На юге», «Товарищи», объединенные потом в одно большое произведение «Красное знамя».

Война — вот та грань, на которой оттачивались характеры и нравственные качества людей. Жестокие испытания, выявившие их негнущуюся силу, стали мерилом ценностей, доброты и душевной щедрости тех, кого расселил писатель в хуторе Вербном после войны и кто — каждый на своей тропе — ищет путь к счастью. Герои прозы Калинина — люди неподкупной совести и отзывчивого сердца.

Судьбы жителей хутора Вербного неординарны. «Прочь, идиллия», — восклицает в конце романа «Суровое поле» писатель Михайлов. Под этими словами могли бы «подписаться» и Дарья Сошникова, и цыган Будулай... Их характеры мукают и возмущают в страданиях, в преодолении, в борьбе. Горькое лихое не гнет их к земле, но и заслуженное счастье не заслит глаза, не заставляет сойти с дороги поисков ответов на главные вопросы: «Зачем живешь? Какую ношу взял на себя, чтобы и соседу твоему, и всему народу стало жить лучше?»

Эхо войны громко и больно отозвалось в сердцах Дарьи Сошниковой, Антонины Кашириной, цыгана Будулая. Казалось, писателю Калинину теперь всю жизнь писать военную прозу. Уже роман «На юге» мог стать залогом того, что его автор развернется в художника-баталиста и ему хватит «пороху», чтобы создать не одно масштабное произведение о войне. Но, вспомнив героя очерка «Донские казаки» — генерала Селиванова, отметим, что и тогда, в раннюю пору творчества, писателя прежде всего интересовал человек, его психология. Автор был занят исследованием характеров, мироощущения людей.

Когда говорят о творческой индивидуальности и мастерстве писателя, то стремятся приоткрыть дверь в так называемую творческую лабораторию, где одновременно «конструируется» произведение по плану, разработанному еще на подступах к письменному столу.

Если отмыкать произведения А. Калинина общепринятыми ключами — завязка, кульминация, развязка, вряд ли они вступят в самобытный мир Дарьи и Андрея Сошниковых, цыгана Будулая, Наташи Луговой. В повестях и романах Калинина нет композиционных лабиринтов, его не занимает «технология» творчества сама по себе. У каждого литературного «каменщика» своя, особая «кладка», поскольку в его «здании» будут жить им — и только им — открытые герои.

Если зайти в дома хутора Вербного не с крыльца, где все прибрано, все на своих местах: в прихожей — чисто, и в жилых комнатах — ничего лишнего, а зайти с «низоз», то сразу заметишь: автор поработал на совесть. Есть в казачьих куренях так называемые «низозы» — помещения, предназначенные для повседневной черновой работы их хозяев. Как правило, этих «низозов» в романах и повестях Калинина не видно, хотя творческая самобытность его заключается еще и в том, что он плетет тугую нить повествования

2

на виду у всех, как бы приглашая и читателя проникнуть в свои «низозы». В конце концов оказывается, что вход в эти «низозы» знает только сам хозяин.

Может быть, с особенной силой проявилось это в романе «Суровое поле». Вместе со своим лирическим героем, писателем Михайловым, автор вводит читателя в самые «низозы» его и своей лаборатории.

Автор «Сурового поля» от начала до конца держит читателя в напряжении на крутых зигзагах интриги, а вот этой предельной открытостью повествования, не отделяющего его от своих героев. И эта открытость рождает ответную благодарность читателя, который превращается в соавтора. Ведь и для писателя Михайлова каждая его новая книга — еще одна разгадываемая им тайна, еще один глоток из чаши страстей, разделенных со своими героями поровну.

Лишь в конце романа «Суровое поле» Андрей Сошников возвратился в хутор Вербный. Все предшествующие страницы посвящены напряженным поискам его писателем Михайловым на полях войны. Самый главный герой остается, так сказать, за кадром. Тем не менее читатель узнает всю историю его жизни и от писателя Михайлова, и от секретаря райкома Еремина, и от Сулина, бежавшего вместе с Сошниковым из концентрационного лагеря.

И вот когда читатель вместе с Михайловым все же находит Андрея, вдруг прерывается нить повествования. Михайлов расстается и со своим героем, и с хутором Вербным, уезжая оттуда. Теперь уже мирную жизнь Сошников должен будет домыслить сам читатель.

Но другую концовку и не смог бы написать автор «Сурового поля». Его Михайлову надо было найти Андрея и привести на родной берег, а все остальное должно подсказать читателю то доверие, которым за это время он успел проникнуться к герою романа.

Пять лет отделяют «Суровое поле» от повести «Эхо войны», за которую, как и за повесть «Возврата нет», А. Калинин будет удостоен Государственной премии РСФСР имени Горького.

Когда повесть будет опубликована в журнале «Огонек», критик А. Макаров назовет ее самым значительным произведением года. Впрочем, и многоплановый роман «Суровое поле» тоже ведь сжат, лаконичен. Писатель суров к себе: спешит, не торопясь, долго пелитесь, прежде чем слова отяжелют и точно будут посланы в строку. Пишет он от имени немногословной любви, которой согрето его отношение к людям — и реально существующим и родившимся на белом поле листа.

Маломерна по занимаемой в творчестве А. Калинина территории повесть «Эхо войны», но как объемна, широкозахватна, как испепеляющее нетерпение к злу, алчущему неразделенной собственности и власти. Автор обнажает причинно-следственные истоки распада личности Варвары Табунчиковой, рассматривает этот образ — антипод других своих женских образов — с позиций социально-нравственных, подходит к явлению с меркой высокой ответственности матерей за воспитание и судьбу своих детей.

Автором художественно проанализирована и доказана психологическая несовместимость Варвары Табунчиковой с остальными жителями хутора Вербного. Как уродливую корягу, отталкивают ее от донского берега. Осуждают Табунчиковую и героини других произведений писателя — Дарья Сошникова, Клавдия Пухлякова, не дрогнувшие от обрушившихся на них горестей, накликаемых войной...

«Зачем далеко ходить за красками — они здесь. Не нужно искать слов — стоит лишь прислушаться к песне...»

Расширяя границы хутора Вербного, автор находит все новые краски и на своей палитре.

И при этом можно только удивляться его привязанности к постоянству. Он не боится дважды вступить в одну и ту же реку. Проза А. Калинина — это открытая им земля, где живут люди, объединенные не территориальной близостью и общей крышей, а прежде всего духовным родством. Все они — дети поэтической придонской степи, чиста ее. Их чувства созвучны первозданной красоте природы, песней вливающейся в сердце.

Антонина Каширина из повести «Возврата нет» говорит: «Выше любви ничего не может быть». Но ее чувство — зрелое, взрослое. Однако писатель и в романе «Гремите, колокола!» настаивает: «Но есть ли что-нибудь выше любви? Те самые колокола, от которых пробудилось Наташино сердце, говорят, что нет. Да, но для такой любви сердце пробуждается лишь один раз в жизни. Единственный раз. И не каждому сердцу дано почувствовать ее».

«На эшафоте собственной совести амнистии не бывает». Автор романа вторгается в девичий мир не только и не столько для того, чтобы спеть гимн первой любви Наташи, а чтобы утвердить право на подобную любовь и предостеречь родителей от запоздалых признаний, что не смогли, не сумели они своевременно откликнуться на звон юных колоколов...

Почти все женские образы произве-

3

дений А. Калинина принадлежат к одному поколению. И любят они, как правило, тех, кто в избытке познал в годы войны лиха. И женская, бабья доля им выпала — не позавидуешь. И любовь — с привкусом полыни.

В повести А. Калинина «Возврата нет» нет критических ситуаций, бурных сцен, нагнетания страстей. Есть живая жизнь. При всей своей независимости, твердости характера Антонина Каширина обладает хрупкой душой. Не выпавшая обиды и горя, она несет свою боль.

Писатель был не вправе умолчать об этом и потому, что встречаются еще люди, которым хочется заглянуть в чужую душу и чуть ли не в приказном порядке поставить того же Никитина, не оценившего любви Антонины, на место, пристыдить его. Чуть ли не силой вернуть к Антонине. Здесь, как и в очерке «На среднем уровне», Невзоров терпит поражение. Все симпатии отданы Егорову, которому не по душе это должностное вторжение в личную жизнь, глумление над любовью.

...Неспешно обростает хутор Вербный домами. Обновляется, хорошеет вокруг и придонская степь. Подвластные писателю перу и ненавязчиво раскрываемые тайны обетованной земли становятся явью, плотью калининской прозы. Ни на минуту не расстается он со своими образами, и уже родившимися, и пока еще знакомыми только ему самому.

Но активное участие в общественной жизни не уводит его от творческих замыслов. Бесконечны заботы депутата Верховного Совета РСФСР. Ждут встречи с писателем и колхозники, и партийные работники, и друзья. Просит о помощи неизвестная женщина, неуверенно позвонившая в дверь дома. Со временем размываются, тают отголоски этих встреч, но услышанная фраза падает в память...

Еще в 1961 году к берегу хутора Вербного причалил цыган Будулай. Нашел могилу своей жены. Встретился с сыном Ваней, его матерью Клавдией Пухляковой. Да так и не посмел признаться ни сыну, ни женщине, воспитавшей его, что он, Будулай, и есть отец черноголового юноши.

Своего Будулая А. Калинин нашел на войне. Недаром же он вводит в повествование, не изменив фамилии, и полковника Привалова, знаменитого комиссара 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса.

Вот и еще одно доказательство, что сердцу автора так близки люди, прошедшие через войну. Ему невозможно расстаться с ними. А разлучившись, он не может не беспокоиться о том, какая судьба им выпала. И потому ищет Будулая на всех дорогах степи...

Около четырех десятков лет живет Анатолий Калинин в правобережном донском хуторе Пухляковском. И эти годы посвящены не только созданию очерков, повестей, романов. Сложилась книга очерков жизни и творчества М. А. Шолохова «Время Тихого Дона».

Размышляя над страницами шолоховской прозы, А. Калинин находит свое, «единственное» слово, переключаясь мо- стики из прошлого, в котором жили Григорий и Аксинья, Давыдов и Натальев, Лопухин и Звягинцев, в настоящее, где уже вершат судьбы земли те, кто принадлежит к страницам шолоховских произведений и продолжает вести знамя безвременно погибших в горячей борьбе коллективизации героев.

«Удивительное, странное и непонятное свойство приобретают тобой найденные и тебе принадлежащие слова, когда ты вдруг услышишь их со стороны, из уст другого, — читаем в романе «Суровое поле». — С жгучим любопытством и грустью ты чувствуешь и отчетливо видишь, как они уже уходят из-под твоей власти и начинают жить своей, независимой жизнью. Перестраиваясь, они проходят перед твоим взором и колонна за колонной углубляются в поход. И, честное слово, можно разглядеть их следы на дороге, раздвинутой мглы дали».

Н. ШИШКИНА.